

ТАТЬЯНА БУРЦЕВА

РУСИЧИ

СЕМЕРО ХРАВРЕЦОВ

Татяна Бурцева

Русичи: Семеро храбрецов

«Автор»

2026

Бурцева Т. К.

Русичи: Семеро храбрецов / Т. К. Бурцева — «Автор», 2026

Четвертый роман из цикла «Русичи». Тысяцкий Георгий, знакомый читателю по трем первым книгам цикла «Русичи», по поручению князя Даниила Галицкого отправляется восстанавливать укрепления Кременца. Городок этот находится в запустении. Наместник князя боярин Доброслав заботится только о собственном обогащении. С приехавшим тысяцким у него возникает конфликт. На городок готовится нападение шайки разбойников. Люди боярина бегут. Георгий организует оборону. Их всего семеро храбрецов. Только они могут научить простой люд Кременца сражаться. Некоторым из них суждено погибнуть...

© Бурцева Т. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Георгий	5
Никола	16
Анджей	21
Никанор	25
Георгий	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Бурцева

Русичи: Семеро храбрецов

Георгий

Сначала подняли решетку. Затем отвалили бревна, поддерживающие засов. Ворота медленно открывались.

Снаружи его ждали враги. С полторы сотни обозленных неудачным штурмом воров и убийц. Сможет ли атаман, что дал слово, удержать их от взрыва бешеной злобы? Сдержит ли обещание сам?

Сердце, вопреки воле наместника билось учащенно, однако внешне тот ничем не проявлял чувств, обуревавших его.

Напротив, для посторонних он выглядел абсолютно спокойным. Лишь близкие ему люди могли догадаться, что происходило в душе наместника на самом деле.

– Если будет замятня, закрывайте ворота, – невозмутимо бросил он, – мне все равно не поможете, а враг ворвется в город.

– Но...

– Это не обсуждается, сделаете, как я приказал.

– Хорошо...

– Ты, Федор, за это отвечаешь. Если что, останешься вместо меня.

Тот недовольно пожал плечами, но, встретившись с наместником глазами, угрюмо кивнул.

– Понял.

Отдав последние распоряжения, наместник отправился вниз по дороге, к повороту, где была назначена встреча.

Один. Он не мог больше никем рисковать. Опытных защитников и так было слишком мало.

Со стен на него смотрело множество глаз, тех, кто надеялся. А враги... Кто знал, сколько луков и самострелов сейчас направлено на отважного наместника?

Почему-то Георгий ожидал увидеть именно *этого* человека, своего врага, но навстречу ему направлялся совсем *другой*. Ничуть не похожий. Старше, опытнее, хладнокровнее.

Такого обмануть будет сложнее. Он не даст им времени укрепить стены, не станет дожидаться подмоги, которая, возможно, придет от князя. Или не придет.

Георгий не был в этом уверен.

Атаман в свою очередь разглядывал Георгия. Вероятно, он тоже видел человека, которого встретить здесь совсем не ожидал.

– Кто ты? – без обиняков спросил он.

– Наместник, – просто ответил Георгий.

– Наместник? – недоверчиво переспросил атаман, это слово вырвались у него невольно. Тем не менее, усмешка тут же скривила его губы. – С тех пор, как Бурундайка крепость порушил, здесь толком не было наместника. Не гоже тебе мил-человек кривду баять перед престолом Всевышнего.

От этих слов в душе Георгия родился гнев. Захотелось тут же зарубить насмешника, но это не избавило бы город от беды.

Он спустился сюда для того, чтобы встретиться с атаманом, постараться объяснить ему, что вступать в бой с защитниками Кременца глупо и бессмысленно. Что добыча, которую он сможет захватить здесь не стоит таких усилий.

Но, убив атамана, он только навлек бы бешеный, неуголимый гнев на людей, которые ему доверились... и погиб бы сам.

– Я не обманываю тебя, – продолжил Георгий, мгновенно погасив вспышку гнева, голос его звучал твердо, – князь Даниил назначил меня наместником Кременца и послал сюда, чтобы навести порядок. Я – тысяцкий его дружины.

– И где твоя тысяча? – поинтересовался атаман. Было видно, что он не верит Георгию.

Тот лишь усмехнулся.

– Не так далеко, как ты думаешь, – ответил он. Он и сам чуть было не поверил в это. Так уверенно прозвучали его слова.

– А мои доглядчики мне ничего не повестили, – ответил атаман с некоторым сомнением в голосе.

– Плохие у тебя доглядчики, – прищурившись, ответил Георгий.

Атаман некоторое время молчал, потом, словно отбросив сомнения, продолжил.

– Про тысяцкое, может ты и не сбыхал, да нет с тобой твоих людишек, иначе на кой ляд тебе со мной говорить занудилось?

Тысяцкий почувствовал, как его сердце дрогнуло, атаман оказался достаточно проницательным, чтобы разгадать его отчаянную хитрость. Однако он уже не раз вел переговоры в невыгодных для себя условиях.

– Не веришь мне – твое дело, – произнес он. – Я пришел тебя предупредить. Не хочу лишний раз проливать кровь. Уходи. Вас всех уничтожат, следа не останется.

Атаман снова испытующе посмотрел на Георгия. Потом покачал головой.

– Если до полудня не соберете выкуп за себя и за город, к вечеру мы сами его возьмем, – бросил он, заканчивая разговор.

Георгий усмехнулся.

– Про выкуп не мне отвечать. Все люди решать должны. Соберемся, ответ дадим. А за себя могу пообещать, что ежели не по добру, то мало у тебя людей останется, чтобы выкуп забрать.

– Побачимо.

Георгий первый повернул назад. Поднимаясь к развалинам укреплений, он думал о том, что, возможно, неправильно вел переговоры. Быть может, нужно было тянуть время, пообещать собрать выкуп, потом попросить отсрочки. Однако такая хитрость могла пригодиться лишь тогда, когда помощь была уже близко. Но на эту самую помощь тысяцкий и не надеялся.

Георгий шел ровно, не торопясь, не оглядываясь, чтобы не показать страха, который охлаждал его спину между лопаток. Что ни говори, он испытывал страх, какие бы байки о нем не рассказывали в дружине. Одной стрелы нетерпеливого разбойника хватило бы, чтобы прервать его жизнь – кольчуга не могла защитить от стрел. И все же Георгий не ускорял шаг. Как знать, может, он заронил сомнение в душу атамана? Только его внутренняя уверенность в себе сможет заставить того поверить, что разбойники столкнулись с серьезным противником, а не кучкой перепуганных вусмерть горожан.

Мысленно наместник уже расставлял людей. Схватка была неизбежна. Разбойники все равно не поверили бы пустым обещаниям – время работало против них, слишком опасно было задерживаться. Поэтому вряд ли они, как было сказано, не нападут до полудня. У защитников оставалось слишком мало времени.

Георгий все же немного прибавил шаг.

Помоги нам, Господи!

Их заступником был только Господь Бог.

Атаман возвращался к своим в глубокой задумчивости. Он не боялся выстрела в спину. Не то, чтобы он был храбрее тысяцкого. Просто он доверял наместнику больше, чем тот разбойнику.

Навстречу поспешил Дениска – его верный помощник и правая рука.

– Что скажешь атаман? Они принесут добро?

– Не знаю... – задумчиво протянул атаман. – Этот чернявый точно не принесет. Вот Доброславка, тот другое дело. Если его голос пересилит, то притащат. Робок он душою супротив нас.

– А этот ворон, что за птица? – Дениска махнул рукой вслед удаляющемуся наместнику.

– Не знаю. Бает, тысяцкий Данилы-князя, не иначе правда. Сила в нем есть. Даже и не знаю, что содеять. Страшал, что вои его на подходе. От Ивашки вестей не слышать?

Дениска потер шею.

– Нет вроде...

Атаман кивнул головой, как будто сам с собой соглашаясь.

– И я вот думаю, что брешет. Только вид у него серьезный больно... Пересилит он на сходе Доброславку. Скажи нашим, пусть готовы будут. В полдень не мешкая нападём.

Солнце еще не взошло к полудню, а вооруженные люди уже стали подниматься к развалинам разметанной крепости.

Весна. Год 1263 от Рождества Христова. Холм. *За два месяца до описываемых выше событий.*

– Я не стану повторять дважды, – произнес князь, – не проси больше за Анджея.

Лицо Георгия окаменело. Что он мог сказать сейчас Даниилу Галицкому? До чего глупо и нелепо! Кто как не тысяцкий знал, кого лучше назначить сотником? А сейчас завистники смогли внушить князю, что молодой десятник плохо показал себя в Литве, поставил под удар своих товарищей... Все внутри Георгия восставало против такой несправедливости, хотелось стукнуть кулаком по столу, начать с горячностью убеждать князя, что его недруги все переворачивают с ног на голову... И все же. Бывали моменты, когда даже Георгий не решался спорить с князем. Отворотить его от принятого решения было практически невозможно.

– Послушай меня, – чуть мягче произнес князь, – оставим этот разговор, я позвал тебя за другом.

Георгий через силу кивнул. Обида оттого, что князь в этот раз к нему не прислушался, а внял злым советчикам, тяжело легла на сердце. Но все тяжкие мысли нужно было отбросить, он был воином, доверенным лицом князя, его долг оставался превыше всего. Перед милостивым государем или несправедливым – значения не имело.

– Ты помнишь Кременец? – спросил князь.

Георгий обескуражено посмотрел на Даниила Галицкого. Конечно же, он помнил. Этот городок странным образом был связан с его непростой судьбой. Защищая именно этот город, он еще десятником попал в плен, изменивший течение всей его жизни. Укрепления этого города всего несколько лет спустя приказал порушить ордынский темник Бурундай, радуясь зрелищу развалин крепости что не покорились даже Бату-хану.

– Я помню, – ответил Георгий.

– Ты поедешь туда и будешь восстанавливать укрепления, – ответил князь.

Сердце тысяцкого замерло. Казалось, он не поверил в то, что услышал. За одни такие речи, если бы это стало известно хану Берке, князь мог лишиться всего.

– Поедешь в качестве нового наместника. Укрепления будешь восстанавливать тайно, – добавил князь.

На дворе Георгия ждал Семен – сотник его тысячи и просто верный друг.

– Ну что? Удалось? – спросил он.

– Нет, – раздраженно махнув рукой, ответил тысяцкий. – Князь сегодня как будто не с той ноги встал. Совсем меня не слушал.

– Ну, да ладно, потом может как-нибудь сложится, когда сердцем отойдет.

– Не отойдет, он меня в Кременец посылает наместником.

– В Кременец? – Семен аж присвистнул. – Наместником? Там же крепости толком не осталось! Развалины. Чудно, что народ еще живет, а не разбрелся кто куда.

– Вот именно!

– Думаешь, опала?

– Не знаю даже что и думать. Кременец, действительно, сейчас не больно ладен. Но кто-то же должен навести там порядок...

– Ты что поедешь восстанавливать укрепления?

Георгий нахмурился.

– Не стоит про то говорить. Что бы мне не поручил князь, об этом знать не должны.

– А как же Анджей?

– А что Анджей? Останется десятником, пока его счастье не переменится. Я никого над сотней ставить не буду. Пусть все остается как есть до нашего возвращения. Ты останешься над тысячей, присмотришь, чтобы неурядиц не было.

– Останусь? – лицо Семена выглядело разочарованным, – я не поеду с тобой?

– Не поедешь. На кого я людей покину?

Семен замялся. Выходило, что больше у Георгия доверенных людей не было.

– А Михаил? – спросил он с надеждой.

– Михаил тебе поможет, если что, но людьми командовать у тебя больше способностей.

Действительно, Семен почти сразу как оказался в дружине, смог завоевать авторитет среди воинского люда, даром, что до этого самого момента был разбойником. Да не просто разбойником, а атаманом. Этот человек обладал просто звериной силой, но притом в пристальном взгляде синих глаз жила искорка житейской хитрецы. Своей энергией он мог заразить кого угодно, повести на какое угодно дело, да и голова умом не была бедна.

– Ну да ладно, – помялся Семен. – Ты хоть Хмурого тогда возьми.

Георгий широко улыбнулся.

– Я ведь не в разведку собираюсь, не в поход! Что мне на своей земле сделается? Князь велел дружину не брать.

Семен поморщился.

– Кто знает, что в дороге случиться может?

Он-то знал что. Всего несколько лет назад разбойничья ватага Семена напала на воинов Георгия, с которыми он ехал выполнять очередное тайное поручение князя. Так что крепкая дружба этих людей началась с крепкого удара дубиной по голове тысяцкого. Правда, тогда он был еще сотником. Потом произошло еще много событий, которые свели вместе двух этих людей с такими разными характерами.

– Думаю Анджея с собой взять от греха, – задумчиво протянул Георгий.

– Возьми, – произнес Семен. В глубине души он почувствовал некоторое облегчение. Анджей – был десятником их дружины. Место сотника освободилось, и Георгий хотел поста-

вить Анджея над сотней, но вмешались недоброжелатели и смогли внушить князю, что тот подобной чести недостойн. Хотя родители Анджея давно обрусели, по происхождению тот был чистокровным поляком. Кроме того, нрав имел вспыльчивый и задиристый. Был горд и обид не спускал, что не способствовало теплым отношениям с окружающими.

Формальным поводом послужило следующее.

Не так давно Георгий со своими разведчиками ходил в Литву искать сына князя Даниила – Романа, пропавшего без вести. Анджей был с ними. Поиски длились достаточно долго и вдруг неожиданно-негаданно увенчались успехом. Князя Романа отбили. Однако передовой отряд русичей напоролся на неприятеля. Началась погоня, коня под Анджием убили, и Георгий взял его. Постепенно они начали отставать – конь тысяцкого нес двоих. Тогда Анджей, чтобы дать возможность Георгию спастись, соскочил на полном ходу. Однако тысяцкий не смог его оставить в таком положении. В результате оба они угодили в плен к своему давнему знакомцу, который придумал для них изощренную казнь, избежать которой им удалось чудом.

Семен не мог обвинять Анджея. Неизвестно как бы он поступил на месте юноши. Однако нашлись завистники, которые перевернули все с ног на голову и обвинили отважного поляка в том, что он чуть было не провалил весь поход, поставив по угрозу не только жизнь тысяцкого, но и безопасность князя Романа.

Семен неплохо ладил с Анджием, поэтому не опасался подвоха с его стороны. Он боялся каких-нибудь каверз от врагов Георгия. Тот слишком быстро завоевал доверие и симпатии Галицкого князя. Честь получил не по роду и не по годам. Поэтому, услышав новость о том, что Анджей отправляется с тысяцким, Семен искренне обрадовался. Другое дело – наместничество в Кременце. Уже давно ходили слухи, что один из бояр – Борислав добивается для Георгия волостишки побогаче. Конечно, не ради самого тысяцкого. Просто боярин был отчаянно и безответно влюблен в жену Георгия. Такие вот у тысяцкого были сложные и запутанные отношения с некоторыми боярами. За все время своей верной службы он получил лишь две деревеньки на прокорм и еле сводил концы с концами. Наместничество, конечно, большая честь. Но Кременец... Это захудалое местечко не для чести и богатства. Зная, как князь относился к Георгию действительно можно было подумать, что тот на него сердит и отослал подальше. Но Семен прекрасно понимал, что Даниил отправил тысяцкого именно в эту крепость с другой целью. Скорее всего, тайной. Что ж, такая у него доля. Ничего не попишешь. Тысяцкий никогда не роптал.

– Бери Анджея, – произнес Семен, – может и здесь все поуспокоится, я за его десятком присмотрю. А Хмурого все же прихвати. Может что тебе подскажет насчет крепости, да и человек он надежный. Если что из него слова клещами не вытянешь.

– Знаю, – усмехнулся Георгий. – Он без причины и месяц может слова не вымолвить.

Конечно, Георгий понял, что хотел сказать Семен. Хмурый, или Федор, как его называли при крещении, был лучшим разведчиком дружины, и его верность не подвергалась сомнению. Свое прозвище он получил из-за шрама, пересекающего лоб, отчего постороннему казалось, что Федор постоянно хмурится. По характеру он был замкнутым и нелюдимым, но с немногими близкими ему людьми обнаруживал иные стороны своего характера. Федор часто в одиночку уходил в степь на несколько месяцев, а то и больше, что не способствовало общительности, однако он был одним из немногих верных друзей Георгия.

– Возьму, пожалуй, – протянул тысяцкий. – Если только князь его отпустит.

Хмурый своим опытным взглядом действительно мог оценить достоинства и недостатки местности. Подсказать, где сделать те или иные укрепления. Он вырос на заставе и за свою беспокойную жизнь повидал немало.

– Вот и возьми, – убежденно ответил Семен. – Да еще кого прихвати для серьезности.

– Не знаю даже... Князь велел людей с собой не брать, не привлекать внимания. Грамоту повезу для боярина, что там заправляет, чтобы помогал во всем. – Георгий задумался. – Честное слово, взял бы с собой хоть десяток воев. Сам знаешь, не ладится у меня с боярами.

– Ты, Егор, не думай ни о чем. Если что не так, мы наготове будем. Человека пришлешь, сразу выступим.

Георгий посветлел.

– Это дело! Так и порешим!

Домой Георгий вернулся затемно. Домом его была простая, но ладная и просторная изба. Не рубленые хоромы, как положено по его званию, не многочисленная челядь за воротами.

Георгий не умел просить у князя милости. Не брал богатой казны в походах. Жил просто, без затей.

С иной стороны его семья ни в чем не нуждалась.

Александра, Олеся – жена Георгия была такой же. Не чванилась, не хвасталась заслугами мужа, а старалась всем помочь, приветить, да и просто утешить добрым словом.

Когда Георгий вошел в горницу из-за стола поднялся худощавый молодой человек. Его волосы и усы были светлыми, слегка отдавали в рыжину. Он выглядел смущенным.

– Я уже давно пришел, думал ты скоро будешь, – произнес он.

– Меня князь задержал, – с улыбкой ответил Георгий. – Садись, Анджей, повечеряем.

– Что-то ты не торопился, милый друг, – произнесла вошедшая молодая женщина. Ее косы были уложены вокруг головы. Глаза сияли радостью от встречи с мужем.

– Дела задержали, – Георгий обнял ее и с нежностью поцеловал, – собери-ка на стол. С утра маковой росины во рту не было.

Олеся поставила на стол чугунок со щами, пироги, кашу, моченую ягоду, сбегала за квасом. Сама села рядом, стала смотреть, как мужчины вечерают. Она не была голодна.

– Какие новости слышать? – спросила Олеся, когда мужчины положили ложки на стол.

– Есть новости, – ответил Георгий, слегка нахмурившись.

Олеся сразу почувствовала перемену в настроении мужа.

– В поход? – спросила она. Сердце ее невольно сжалось.

– Нет, – ответил Георгий. – Не на опасное дело, но ехать все же придется.

– Куда?

– В Кременец.

– В Кременец? – на лице Олеси было написано изумление. – Зачем?

– Князь посылает меня наместником.

– Тебя наместником? – Олеся, казалось, не могла поверить в услышанное. Наместник – звание больше хозяйское, чем воинское. Представить мужа сборщиком оброка Олеся не могла.

– Меня, – просто ответил Георгий.

– Скажи честно, это не из-за меня? – с волнением в голосе спросил Анджей.

– Нет, – быстро ответил тысяцкий. – У князя для меня есть дело в Кременце.

– Надолго? – спросила Олеся.

– Не знаю... – честно ответил Георгий. – Может статься надолго. Приедешь? – с надеждой спросил он.

– Приеду, – просто ответила молодая женщина.

В этот момент из соседней комнаты раздался недовольный раздраженный плач.

– Я пойду к Федосеюшке, как бы он Сонюшку не разбудил. Еле уложила непоседу. Вы посидите еще, – как б извиняясь произнесла молодая женщина.

– Когда выезжаешь? – спросил Анджей, когда Олеся вышла из горницы.

– Еще не знаю. Думаю, скоро. Со мной поедешь, – произнес тысяцкий, исподволь наблюдая за впечатлением, которое произвели на Анджея его слова.

– С десятком? – спросил тот.

– Один.

– А десяток мой как?

Георгий испытал удовлетворение оттого, что его десятник в первую очередь подумал о своих людях.

– Не беспокойся, – ответил он. Семен присмотрит.

– Семен не едет? – Анджей не упускал ничего из виду.

– Нет, он остается. Будет смотреть за тысячей, пока я не вернусь.

– Понятно. – Анджей так и не задал вопроса, на который Георгию было бы так неловко отвечать.

– Вопрос о месте сотника мы решим потом, когда вернемся, – произнес Георгий будничным голосом.

Несмотря на это Анджей все равно вздрогнул.

– Не стоило даже пытаться, – произнес он. – Мне и с моим десятком хорошо. Не хотят меня ставить и не надо.

Несмотря на то, что Анджей старался выглядеть невозмутимо, было видно, что, последние события серьезно задели болезненное самолюбие десятника.

– Я лучше знаю, что стоит делать, а что нет, – с появившейся в голосе властью произнес Георгий, – слова сейчас лишние. После вернемся к этому.

Несмотря ни на что, тысяцкого все же задело, что его решение было подвергнуто сомнению. Речь шла об управлении воинами, которых лучше него вряд ли кто-нибудь знал. Битвы и походы научили их доверять друг другу. Никто не должен был так поступать с тысяцким и его людьми, пускай даже сам князь.

– Как Анджей? – спросила Олеся у Георгия.

Им обоим в эту ночь не спалось.

– Хочет не показывать, но все равно видно, что расстроен, – ответил Георгий.

– Ничего, пройдет, время все лечит, а потом и князь, наверное, сердцем отойдет...

– И я так думаю, – в темноте не было видно, но Олеся все равно почувствовала, что Георгий улыбается.

– Ты ему рассказал, зачем вы едете? – спросила молодая женщина.

Хоть Георгий ничего и не говорил, Олеся с присущей женскому полу интуицией догадалась, что это неожиданное поручение связано с каким-то тайным и важным делом.

– Рассказал. Он и под пыткой не выдаст. Я ему доверяю.

– Да, Анджей – верный друг. Только вспыльчивый очень. Не нрав – огонь.

Георгий рассмеялся.

– Точно. Но с Литвы он переменился. Больше не станет бросаться в пекло очертя голову. Поэтому я ему сотню и хотел доверить.

– Так что все-таки произошло в Литве? В дружине всякие слухи ходят, а ты мне ничего не рассказываешь.

Повисла неловкая пауза.

– Да что там рассказывать...обычный поход. Сшибки, засады. Роман Данилыча отбили и в Холм привезли. Вот и весь рассказ.

– Ой ли? – Олеся было нелегко провести. Мягкой она была только внешне, а внутри был стойкий характер, не хуже, чем у тысяцкого.

– Была одна заварушка, – вздохнув, произнес Георгий. – Владе только не сказывай, она тогда слезами мужа своего вовсе доймет (Влада была женой Анджея, кроткой и нерешительной, как будто в противовес норову мужа).

– Хорошо, не буду. – Было совершенно неизвестно, сдержит Олеся обещание или нет.

– Когда мы были на границе с Литвой в дружине князя Василько, – продолжил Георгий, – Анджей со своим десятком напоролся на засаду. Все случилось неожиданно, тот не успел отдать приказ к отступлению. Пятерых из его воинов литвины увели с собой. Анджей не смог смириться с этой потерей и под покровом ночи отправился их выручать. Тут и наша вина была. В дружине до сих пор рассказывают, как Семен выкрал из самого улуса Рушан-бека своего сотника Михаила. Не заметил я, что Анджей на такое решился. У него тогда ветер в голове гулял. Само собой, и он оказался в плену. Главным у них был литовский воевода – Ковдижад, сильно любил причуды всякие. Пока они Анджея взяли, тот с десятка литвинов перекалечил – Ковдижад хотел поединками с русичем позабавиться, да не вышло так, как он задумал.

Пришло тут время пленных менять. Ковдижад на Анджея сильно зол был: отделили того в плену – живого места не было, а все равно пощады не запросил. Гордый слишком, хоть и смерти боялся, как мне потом говорил. Решил литовский воевода во время обмена каверзу придумать, но мы тоже подготовились. У нас на литовский засадный отряд лучники припрятаны были. Словом, отбили мы пленных и Анджея тоже. Я чуть самого воеводу в полон не взял. С тех пор Ковдижад нас невзлюбил. А во время похода в Литву, когда мы уже везли домой князя Романа, занесла нас нелегкая в одну деревушку, а там... Словом литва стала по коням стрелять и оказались мы с Андреем в окружении. А отрядом тем Ковдижад командовал. Целую ночь мы с Андреем связанные просидели в ожидании пока литовский воевода казнь нам придумает, а наутро Семен нас отбил. Вот, собственно, и все... – Георгий постарался, чтобы, произнося последние слова, голос его звучал убедительно. Конечно же, это было не все, но Олеся всего знать не следовало. Ни о том, как они играли со смертью, пренебрегая приказом литвинов бросить оружие, ни о том, как Анджей с Георгием, изошренно связанные и окованные от неподвижности в студеную ночь прощались друг с другом, ни о том, какую именно казнь придумал наутро Ковдижад.

Олеся помолчала. Она догадалась, что рассказ ее мужа не полон, но таким уж он был. Не любил говорить о себе, об опасностях, которые его подстерегали в походах. Обо всем этом она узнавала исподволь, от случайных людей – свидетелей смелости и отваги своего мужа.

Когда Георгий вернулся из Литвы, Олеся еще долго замечала, как внезапно его лицо становилось мрачным, как будто он что-то вспоминал. Ночью сон Георгия был беспокойным. Иногда ему что-то снилось, и он вскакивал среди ночи, произнося имя Анджея. Молодая женщина заметила, что творится что-то неладное и поделилась своими опасениями с Семеном. Семен призадумался и ответил, что все это пройдет, нужно только хорошенько отвлечь Георгия от тяжелых мыслей. Семья для него – дороже всего. Дома он скорее придет в себя. От каких мыслей нужно было отвлекать Георгия Семен, конечно же, не рассказал. Олеся так и поступила, окружила мужа заботой, потом у них родился сын, и все вернулось на круги своя.

Расспрашивая Георгия, Олеся надеялась, что найдет ответ на подспудно мучивший ее вопрос, но все ее сомнения разрешились только относительно Анджея, а причина переживаний мужа для нее так и осталась загадкой. Однако молодой женщине ничего не оставалось, как принять это.

– Я тебя больше не отпущу, – ответила она с убеждением, – обустроишься немного, и мы с детьми приедем. Соня скучает, совсем тебя не видит, да и Василько заскучал, а ему мужская рука нужна, и так к малышу ревновать стал. Он, говорит, ваш родной сын, а я так, найденный.

Георгий крепче сжал плечи жены.

– Рано тебе еще ездить, пусть мальчонка подрастет, тогда и в дорогу можно будет, – произнес он, – а с Васильком я поговорю. Такие разговоры – не дело.

Василько – паренек семи лет от роду был приемным сыном Георгия и Олеси. Этого ребенка тысяцкий привез из похода – тот прибил к воям, чтобы не помереть с голоду. Парнишка напомнил Георгию самого себя в таком же возрасте, поэтому тысяцкий, заручившись его согласием, взял Василька с собой. Олеся сразу полюбила паренька, но тот иногда проявлял характер, так что справиться с ним мог только Георгий.

– Спи, родная, – произнес Георгий, – не тревожься, все образуется.

Уже не раз Георгий говорил подобные слова, и Олесе очень хотелось верить, что все будет хорошо.

Отъезд был назначен почти через месяц. Выступили без лишних церемоний, не привлекая внимания, тем более что в Кременец отправлялось всего трое – Георгий, Анджей и Хмурый.

Тысяцкий вез княжеские грамоты, но куда охотнее он захватил бы верную сотню разведчиков. Жаль, это было невозможно.

Проезжали мимо храма Пресвятой Богородицы. Внезапно Георгий почувствовал острое желание зайти внутрь, подойти к иконам, постоять, поразмыслить.

– Подождите меня, – смущенно произнес он, – зайду в храм на дорожку.

– Валяй, – зевая ответил Хмурый.

Георгий отдал повод разведчику и взбежал вверх по ступеням.

Храм во имя Пресвятой Приснодевы Марии был построен несколько лет назад. Его величие и красота были достойны древних зодчих. Князь Даниил Галицкий щедро одарил его дивными иконами. Из далекой Угорской земли он привез чашу из багряного мрамора, настоящее резное чудо, украшенное змеиными головами. Эта чаша служила для освящения воды в день Богоявления. В храме стояло деревянное, позолоченное изваяние святителя Иоанна Златоуста. И снаружи, и внутри, храм был источником благоговейного трепета и восхищения для всех, кто встречался с его великолепием.

Только закончилась ранняя литургия. Священник еще не вернулся в алтарь.

Георгий подумал и направился к нему.

– Благословите, батюшка, – произнес он.

Священник пристально посмотрел на человека, который пришел в храм под конец службы, одетый по-дорожному, с оружием.

– Далёко отправляешься? – спросил он.

– Не близко, – неловко улыбнувшись, ответил он.

– По важному делу?

Тысяцкий прищурился.

– По важному...

– Хорошо, я благословлю тебя.

Георгий склонил голову, священник осенил его крестом, потом поднес его к губам тысяцкого, тот поцеловал крест, затем благословляющую руку.

– Отправляйся спокойно в свой путь, – произнес священник, – делай, что должен. Только помни, что у людей выходит лишь то, что они творят по Божьей Воле.

– Я знаю, – смущенно произнес тысяцкий.

Священник улыбнулся. Он только сейчас по-настоящему увидел стоящего перед ним, не телесным, но духовным зрением.

– Чадо мое, ты ведь воин не только в миру, но и духом воин, – тепло произнес он. – И бороться ты должен не с людьми из плоти и крови, а с несправедливостью и человеческим злом. Пусть Господь Бог всегда будет в твоём сердце, тогда ты победишь.

Георгий низко склонился.

– Спаси, Господи за твои слова. Мне их не доставало, – произнес он.

Священник снова улыбнулся.

– Иди с Богом.

Тысяцкий, просветлев лицом, отошел от аналая и направился к иконе святого Георгия. Прочитав краткую молитву своему святому и, перекрестившись, он направился к выходу.

Тут на глаза ему попала плита с надписью.

«Здесь покоится...»

Георгий на мгновение остановился. Он знал, кто лежал под этой плитой.

Князь Роман.

Тот самый, за которым они ездили в Литву. Лишь несколько месяцев он смог прожить после своего вызволения из плена. Что ж. Он хотя бы умер на своей земле. Здесь будет кому оплакать несчастного сына удачливого Даниила Галицкого.

Прощай наш попутчик. Прости, что мы так медлили. Прости... Но, видно, такова твоя судьба. Не нам о том ведать...

Тысяцкий улыбнулся.

В селениях горних ты обрел покой, а у нас еще есть дела...

Георгий вышел на солнечный двор с легким сердцем. Теперь он мог ехать.

Тысяцкий легко вскочил на коня и трое воинов отправились в свой путь.

Узкие улочки, мощенные деревом тянулись по всему Холму до самых ворот. Взад-вперед сновали люди: кто-то шел на торг, кто-то спешил по своим неведомым, но наверняка очень важным делам. Дети, горожане, заезжие землепашцы. Они были привязаны к этому месту, а трое воинов снова ехали невесть куда, бросив все житейские попечения.

Прохожие провожали глазами всадников, кто-то смотрел восхищенно, удивляясь их ладности и стати, кто-то недовольно, с завистью, считая, что княжеские ратники живут не в пример зажиточней и привольней. Разные лица выхватывал из толпы проходящих тысяцкий.

Проехали ратники, поприветствовав и бросив пару слов напутствия. Они понимали, что их товарищи отправляются не на гулянье. Эта встреча оставила в душе теплый след.

Но вот, навстречу попался знакомый боярин. В его высокомерном взгляде Георгий прочитал жалость и презрение.

«Они уже распрощались со мной» – с удивлением подумал тысяцкий, – «неужели все думают, что я никогда не вернусь?».

Эта мысль оставила неприятный осадок. Окружение князя, не зная причин, по которым Георгий отправился в Кременец, посчитало, что тот, наконец, впал в немилость, и вычеркнуло его из списка людей, от которых что-то зависит.

Георгий горько усмехнулся.

Что ж. Жизнь покажет, кто был прав.

Тысяцкий никогда не выслуживался перед князем. Не просил званий. Даниил Галицкий возвысил его из простых дружинников за отвагу, сообразительность и, главное, за исключительную верность. Уже не раз мужество и преданность Георгия подвергались серьезным испытаниям, но все проверки тот выдержал с честью, что только усилило доверие князя. Конечно же не всех устраивало то, что Даниил доверяет свои секреты человеку незнатному, да еще поручает ему выполнять различные тайные поручения, о которых бояре знать не знают, а хотели бы.

Тысяцкий все же улыбнулся. Он вспомнил свой разговор с князем перед отъездом.

– Смотри, Георгий, о восстановлении укреплений никто здесь знать не должен. Молчи, что бы ни случилось! Я всерьез надеюсь, что Берке сейчас не до нас, поэтому и решился. Если хоть одна живая душа проведаст и донесет хану, мне придется расстаться с княжеством, да и с жизнью тоже. – Глаза князя горели. Он до сих пор не смог смириться со своим унижительным

положением данника Орды. – Понимаешь, мы сейчас беззащитны, – продолжил он. – Все наши крепости, кроме Холма, в плачевном состоянии. Приди кто угодно, не татары даже, что мы сможем противопоставить? Только людей? – Георгий слушал внимательно, не перебивая. – Кременец станет первым, а там посмотрим...

Даниил пылливо посмотрел на тысяцкого. Тот ответил прямым открытым взглядом.

– Кременец на горе, – произнес он. – Если мы начнем строить крепость заново, как я могу быть уверен, что какой-нибудь купец, проезжая рядом, не заметит, что стены и башни вновь поднялись?

Князь ответил просто.

– Постарайся сделать так, чтобы это как можно дольше оставалось тайной. Я на тебя надеюсь.

Георгий кивнул головой, соглашаясь.

– Постараюсь. Из местных кто-то сможет мне помочь?

– Сможет, скажу тебе кто. Но смотри сам, если тебе покажется, что кому-то из них нельзя доверять, действуй по своему разумению, как наместник.

– Хорошо.

Внезапно князь нахмурился.

– Слышал, что ты с собой хочешь взять Анджея – десятника.

Георгий взгляд не опустил. Ему не в чем было оправдываться.

– Это так, – ответил он.

– Ты уверен, что можешь доверять ему? В последний поход он показал себя не с лучшей стороны...

Георгий нахмурился.

– Не будем, князь, об этом! – тысяцкий не хотел возобновления прошлого неприятного разговора. – Я ручаюсь за этого человека. В Литве он был готов свою жизнь отдать, а здесь... ему не верят... мне не верят... – Георгий не договорил.

– Ну, хорошо... Я тебе доверяю, – задумчиво произнес Даниил. – И еще, – продолжил он. – Не думай, что это поручение – мое к тебе неблаговоление. Назад воротишься – вознагражу. Нет у меня больше никого, кто бы мог все выполнить быстро и толково. Да и сам ты из тех мест...

– Это верно, – отозвался тысяцкий. У него были причины не особенно радоваться этому обстоятельству. – Не беспокойся, князь, все сделаю как надо. А что до немилости, так я не за милости служу, а за совесть.

Лицо Георгия приняло упрямое выражение, которое князь слишком хорошо знал.

Даниил лишь улыбнулся.

– Знаю это. Оправляйся, не медли и... возвращайся скорей.

Эти мысли заставили Георгия забыть о неприятной гримасе боярина. Что думали окружающие, волновало его в последнюю очередь. Он привык отвечать за себя.

– Что, Егор, в твой край едем? – спросил Хмурый. Лишь он один радовался новому пути. Для него дорога была частью жизни.

Тысяцкий усмехнулся.

– Почти.

Кременец вызывал в нем смешанные чувства – предчувствие встречи с родными местами и... оторопь.

Никола

Месяц сиял на небосводе. Заросли сирени, в которых он прятался, щедро расточали свой аромат, стремясь погрузить в душный благоуханный сон. Но юноше не хотелось спать.

Он ждал. С восторгом предвкушая мгновение встречи и с трепетом боясь на миг предположить, что его любимая не придет.

Ладному семнадцатилетнему юноше было чего опасаться, ведь он был *вдач* – тот, кто от нужды продан до срока в холопы, а Наталка – боярская дочь.

Но сегодня он надеялся на встречу. Еще днем он смог подать знак. Наталка шла по торгу в сопровождении тетки. Та останавливалась то там, то здесь. Зачем-то сцепилась с торговцем рыбой, хотя они пришли вовсе не за этим. Девушка отошла чуть в сторону – она чувствовала себя неловко.

Никола тихо подошел сзади. Осторожно тронул за руку. Девушка вздрогнула, обернулась, вспыхнула.

Никола приложил палец к губам. Их взгляды могли рассказать все без слов.

– Я буду под твоим окном сегодня ночью, – чуть слышно произнес юноша.

Наталка лукаво улыбнулась.

– А мне-то что? – так же тихо ответила она.

Сердце юноши замерло, язык не хотел слушаться.

– Выходи, – чуть слышно произнес он.

Румянец сошел со щек девушки, но потом снова нахлынул жаркой волной.

– Захочу – выйду, не захочу, будешь меня ждать!

– Буду ждать, – ответил Никола, но Наталка его не слышала. Потому что слова были произнесены чуть слышно, а, может, вовсе не произнесены. Да еще потому, что гордо удаляющаяся тетка потащила запинаящуюся девушку вперед между торговцами и покупателями.

И вот сейчас Никола ждал.

Что он передумал в этот час! Его душу питала любовь и надежда. И все же... как никогда его душила обида. Он сам не знал на кого. Почему он не боярин? Тогда бы юноша запросто прислал сватов. Отгуляли бы свадьбу... Но он не боярин. Он даже хуже, чем был его отец – ратник.

Его отец погиб давно. Осталась мать и сестра. До прошлого лета они еще справлялись, но невзгоды посыпались одна за другой, подошло время отдавать сестру замуж и Николе пришлось продать себя. Пока на год, но где год, там и два. Где два, там и навсегда...

Наталка была так недостижима. И все же так любима и желанна!

Наталка... Ее очи, ее косы рисовал внутренний взор перед сном. С ее образом просыпался. Мечтал о ней, когда работал, не до усталости, а до изнеможения, и во сне, после тяжелого дня снова видел ее...

Вдруг наверху раздался шорох.

– Никола? – от звука ее голоса юноша вздрогнул. Только сейчас он осознал, что до конца не верил, что девушка придет на свидание.

– Я здесь, – тихо ответил он.

Послышались тихие шаги. Девушка осторожно спускалась по ступенькам высокого крыльца.

– Ты где?

– Здесь...

Девушка шагнула в темноту и очутилась в крепких объятиях юноши.

– Отпусти! Что ты? – испуганно спросила она.

Никола объятий не разжал, но напор ослабил.

– Зачем пришел? – с любопытством и испугом спросила Наталка, – разве не знаешь, тебя убьют, если здесь поймают!

– Мне все равно. Я хотел тебя увидеть, не в толпе, не на крыльце, а рядом...

Девушка осторожно высвободилась.

– Темень такая, неужто увидишь меня? – спросила она.

– Я вижу тебя... – с дрожью в голосе произнес юноша.

– А я тебя нет, – казалось, для Наталки это было лишь забавное ночное приключение.

– Я бы увидел тебя, даже если б ослеп...

– Что за пылкие речи я слышу? Откуда столько искр?

– Мое сердце как будто огнем горит...

Наталка охнула.

– Да можно ли тебе верить? Что же тебя так скоро зажгло?

– Не скоро... Я уже с лета на тебя издали смотрю... подойти вот не решался...

– Да что на меня смотреть, да заглядываться, не икона ведь!

Юноша как будто не слышал последних слов.

– Смотрю и глаз оторвать не могу...

– Да что ж во мне этакое? – засмеялась девушка.

– Не знаю...

Наталка вздохнула.

– Что ты за ухажер такой, ничего не знаешь...

Никола не нашелся что ответить. Так несколько минут юноша не ведал, что сказать.

– Ну что молчишь? – с вызовом спросила девушка.

Никола, похоже, и вправду крепко задумался. Прежде всего, он не ожидал, что Наталка к нему спустится, а потом насмешливый тон девушки вконец сбил его с толку. Он не мог и предположить, что, разговаривая с ним таким образом, Наталка хотела скрыть свое смущение.

Девушка вздохнула.

– Ну, я пойду, а то хватятся, – произнесла она.

– Постой, – дар речи разом вернулся к Николе, – не уходи! Когда мы еще увидимся?

– Не знаю. Опасно это, вдруг нас заметят?

– Не заметят!

– Тетка плохо спит, старая уже, а ну как проснется, а меня рядом нет?

Наверху послышался скрип открываемой двери. Юноша и девушка разом замерли, чуть дыша.

Время тянулось невыносимо медленно.

Вдруг тишину нарушил дребезжащий старческий голос.

– Наталья!

Девушка вздрогнула.

– Ну, говорила же! – горячо прошептала она, – мне нужно идти, тетка зачем-то искать надумала!

Никола не хотел ее отпускать.

– Завтра придешь? – с внутренним трепетом спросил он.

– Отпусти! – Наталка силилась вырваться из объятий, но Никола ее не пускал.

– Придешь? – жадно спрашивал юноша.

– Приду. – Девушка наконец освободилась и рванулась вверх по ступенькам. На верхней площадке уже показались люди, послышались голоса. Видимо, тетку напугало отсутствие девушки в горнице в столь поздний час, и она устроила переполох.

Внизу тоже стала появляться заспанная челядь.

Никола, не дожидаясь, пока его убежище будет обнаружено, бросился к тыну. Но юноша не рассчитал, что не сможет сразу перемахнуть через забор. Пока он подтягивался на руках,

кто-то схватил его за ноги. Самым естественным было попытаться стряхнуть преследователя, но у него ничего не получилось. Подросла еще дворня. Николу стянули вниз, скрутили руки и повели к крыльцу. Там уже собрался почти весь двор. Принесли свет, вышел боярин. Подоспевший челядинец ему тихо что-то доложил.

Никола увидел, как его лицо от гнева стало наливаясь кровью.

– Кто это? – прорычал боярин.

Никола стоял, опустив низко голову, и молчал. Сердце бешено стучало.

Боярин сошел с крыльца и приподнял его голову за волосы.

– Никола! Хлоп! – прошипел он, разом узнав нарушителя. – Зачем пришел? Молчишь?

Сам знаю! Никанор! – крикнул боярин в темноту.

– Я здесь! – послышался ответ.

– Отделайте этого жениха, чтобы долго еще не мог сюда приползти! – в гневе приказал он. – Да уведите его подальше! Не пачкайте кровью мой двор.

Сердце Николы упало. Юношу терзала бессильная злоба.

Сейчас эти выродки меня изувечат. Как я работать буду? Как мать и сестра?!

Его повели вон со двора. Он молча шел. Что он мог теперь сделать?

– Нет! – прорезал тишину девичий крик. – Отпусти его, отец! Он ничего плохого мне не сделал!

– Да уведите же ее отсюда! Я с ней утром говорить буду!

Бешено ухажющее сердце Николы на миг остановилось. Она видела его позор! Юноше было невыносимо стыдно.

Николу вывели за ворота, стали спускаться к повороту дороги. Там почему-то произошла заминка. Никанор в упор смотрел на юношу. Что за мысли были в его голове, понять было нельзя.

– Я знал твоего отца, – наконец произнес он, обращаясь к Николе. – Хороший был ратник... и погиб как следует.

Никанор повернулся к своим.

– Отделайте его, чтобы запомнил, но не увечьте, – бросил он подручным и тронулся в обратный путь.

Проводить Никанора взглядом юноша не сумел. Перед глазами заплескали красные слюхи.

Никола сидел на берегу ручейка, до которого он еле смог доползти. Несмотря на приказ Никанора, отделали его все же на совесть, хорошо хоть руки-ноги не переломали. Сначала юноша пытался защищаться, но потом лишь сжался в комок и терпел.

По лицу Николы текли жгучие слезы. Он мочил в студеной воде ручейка рукав рубашки, что и до того был почти оторван, и прикладывал к саднящему и опухшему лицу. Потрогал зубы – вроде не качались. И то ладно.

Да что ладно?

Избили, перед Наталкой опозорили! Как клял сейчас Никола свою злую судьбу!

Задумал дрозд к горлице свататься!

Тоже мне, нашел невесту по себе! Хлопка мне теперь невеста, да дети похолопятся!

Эх, отец! Зачем ты рано умер!

Воспоминание об этой потере всколыхнуло в нем новую волну горя.

Неожиданно подумалось о матери, что, наверняка, ждала его сейчас. Юноша так и не пришел ночевать, что раньше с ним не случалось.

Как он такой вернется домой, что скажет? Как ей в глаза посмотрит?

А завтра на работу!

Все тело ломило, а к утру у него разболится каждая косточка.

Никола подставил свое горячее лицо ледяной воде ручейка. Как же ему было стыдно! И если бы стыдно было за дело. Вся вина юноши состояла в том, что он был молод и беден. Не ленив и беспечен, а честен и трудолюбив. Только в жизни ему не везло. Сколько он ни прикладывал усилий, Николе не удавалось вырваться из круга несчастий и неурядиц. В свои семнадцать лет он был главой семьи. Груз ответственности давил на плечи, а так хотелось быть веселым и беззаботным, как его сверстники!

Внезапный шум отвлек его от печальных мыслей. К роднику кто-то пробирался.

Никола, еле сдержав стон, приподнялся и отполз за стволы деревьев, стоящие чуть поодаль от родника. Но в такую безлунную ночь его и так вряд ли бы заметили.

На поляну вышли двое людей.

– Где только этот родник! – произнес один из них.

– Да тут где-то... Точно здесь, – ответил второй.

Оба опустились на колени перед родником и стали наполнять фляги.

Никола уже подумал, что эти люди не причинят ему зла, но покидать свое убежище не спешил.

Наверное, просто странники сбились с пути.

Люди тем временем набрали воды и встали.

– Когда на гору наведемся?

– Недельки через две. Наш человек знак подаст. Как оброк к отправке снаряжат, так и нахлынем.

– Оброк? Сейчас?

– Да к сроку-то его не собрали, а князь торопит, вот и решили остатнее сейчас отправлять.

– Откуда знаешь?

– Да говорю ж тебе, верный человек у меня в городишке.

– Ну, если так, тогда стоящее дело.

– Только быстро ноги нужно будет уносить, за оброк князь шкуру спустит, да мы уже далеко будем...

Дальше Никола слушать не стал. Из разговора «странников» он понял одно: на его городок готовится нападение. А ждать незваных гостей следует через две недели.

Как можно тише он начал отползать. Его ждала тяжелая дорога наверх. Горожан нужно было предупредить о набеге.

Никола добрался до ворот, когда уже рассвело. Город начинал просыпаться.

Из последних сил юноша брел на тот самый двор, с которого его с позором выгнали всего несколько часов назад. Он хорошо все обдумал дорогой. Боярин как наместник должен был первым узнать о готовящемся нападении.

Почти без сил он привалился к воротам дома.

А если мне не откроют?

Об этом Никола не подумал, но ворота уже не были заперты на засов и сами подались под напором.

Он ввалился внутрь. По двору ходили люди – хозяйство просыпалось.

– Боярин, – закричал Никола, почти не осознавая, что он делает.

Люди начали в удивлении оборачиваться.

Взору их предстало странное зрелище: оборванный молодой парень с опухшим от побоев лицом еле стоял посреди двора и настойчиво звал хозяина.

– Боярин! – в этот возглас Никола вложил все. Он чувствовал, что еще чуть-чуть и он упадет.

На крик вышел Никанор – начальник охраны боярина. Увидев Николу, он переменился в лице. Подбежал, подхватил его и прислонил к телеге.

– Зачем ты пришел сюда, дурень! – накинуся он. – Хочешь, чтобы вчерашнюю работу доделали?

– Нет, – Никола слабо пытался отстраниться. – У меня вести.

– Что такое? – спросил Никанор. Он понимал, что юноша без повода сюда не вернулся бы.

– Я видел людей...разбойников...они говорили, что придут через две недели за оброком...

– Где ты их видел?

Никанор сразу поверил Николе.

– Там, ночью у родника, – юноша неопределенно махнул рукой.

– Что случилось? – с крыльца раздался зычный голос боярина. Он еще не рассмотрел Николу, которого заслонял стоящий рядом Никанор.

Доброслав спустился с крыльца. Лицо его перекосила бешеная злоба.

– А, это ты...– прошипел он. – Почему он еще может ходить? – в бешенстве спросил он у Никанора.

– Он почти не может, – без всякого выражения ответил тот. – И между тем он принес важные вести. Ночью у родника он подслушал разговор двух татей. Те говорили о набеге на нас, чтобы взять здесь задержанный оброк.

Лицо боярина побагровело.

– Да как ты можешь ему верить? Он специально пришел сюда, чтобы увлечь нас ложными речами.

– Зачем ему это нужно? – возразил Никанор.

– Да я откуда знаю, – выкрикнул Доброслав. – Дать пару раз по шее – сам расскажет. Выслужиться хочет, а может, отомстить – вдруг он заодно с лихими людьми и затевает какую-то каверзу? А что скорее всего – сам он и придумал тех разбойников.

Лицо Никанора оставалось бесстрастным.

– А я ему верю, – тихо произнес он.

– Почему? – боярин чуть не задохнулся от гнева и удивления.

– Потому что разбойники знали о задержанном оброке, а он не мог знать, – ответил тот.

– Все, – внезапно успокоившись произнес боярин. – Хватит с нас этого паршивца, под замок его, потом разберемся что к чему, а то начнет свои сказки о разбойниках рассказывать, всех людей взбаламутит.

– Двое подошли к тяжело привалившемуся к телеге юноше и потащили его в сарай.

Никола обернулся на ходу. В глазах его стояли слезы.

– Поверьте, люди, я правду говорю! – крикнул он, – матери скажите, где я! Матери скажите!

Никанор все с тем же бесстрастным видом вышел со двора.

Побагровевший боярин, схватившись за сердце, поднялся к себе в горницу, распахнул оконце – он не мог отдышаться. Разговор с дочерью решил отложить на вечер.

Несмотря на то, что Никола с самого утра сидел под замком, дворня Доброслава быстро разнесла весть по всему городу.

Уже к обеду возбужденный народ собрался на торгу и потребовал к себе наместника.

Анджей

Куда и зачем он ехал, Анджей не знал. Его душа была в смятении. И дело было вовсе не в сотском. Не больно Анджей этого хотел. Его обидело и возмутило неожиданное противодействие. Как будто сотниками всегда становились лишь избранные! Оказалось, что у него есть недоброжелатели среди ближнего окружения князя. Гордость терзала Анджея неимоверно несмотря на то, что он пытался противопоставить ей доводы разума.

Когда Георгий сказал, что берет его с собой, десятник испытал облегчение и вместе с ним горечь. Что ж! Пускай тысяцкий увезет его с глаз долой! Куда угодно! Лишь бы быть при деле и чувствовать себя нужным, а не нахлебником, выпрашивающим черствую корку у богатого хозяина.

Что ему поставили в вину! Литовские приключения!

Если перед кем себя Анджей и чувствовал виноватым, так это перед Георгием. Тот и вправду, пытаясь помочь Анджею, чуть было не расстался с жизнью, но все обошлось. Георгий на него зла не держал. Напротив, после пережитого вместе, они даже обменялись нательными крестами, став крестовыми братьями. А остальные? Какое они имели право его в чем-то обвинять? Они не пережили тот леденящий кровь ужас, те страдания, что выпали на долю пленных русичей.

А, может, все-таки правильно, что Георгий забрал его из Холма? Тысяцкий всегда пытается сделать все по совести, помочь...

Анджей горько вздохнул. И это нужно было пережить – в жизни всякое может произойти, нельзя же по каждому случаю травить душу! Он сможет. В Литве было хуже. Гораздо хуже.

– А почему ты говоришь, что Кременец – родной край тысяцкого? – спросил Анджей у Хмурого.

Они сидели у тлеющих углей костра. Хмурый сменил десятника на часах, а Анджей просто не мог уснуть – растревожили печальные мысли.

Хмурый усмехнулся.

– Он действительно оттуда родом, правда, не совсем из-под Кременца, немного севернее. Зато с этим городком Георгия многое связывает...

– Что?

– Лет десять назад, еще когда цела крепость была, он с Волынской дружиной защищал Кременец от темника Куремсы. Но тот привел с собой войска больше, чем рассчитывал воевода. Почти всех русичей перебили, остальных взяли в плен. Наш тысяцкий оказался среди полона. Чуть жизни не лишился, да князь Даниил всех выручил. Так Георгий на службу в Галич попал.

Сердце Анджея замерло.

– Я помню, – с трепетом произнес он, – мне Георгий рассказывал.

– Георгий? – удивился Хмурый. – Он не больно-то любит о таких вещах говорить.

– Было однажды, – продолжил Анджей. – Сидели мы на крыльце, смотрели на луну, я рассказал про Ковдижада, что смерти очень боялся, а он в ответ про Куремсу, что больше смерти боялся выдать, что войска в Галиче мало в ту пору было. Только не оказалось среди русичей Иуды – темник повернул восвояси, потрепанный всего одной битвой.

Хмурый усмехнулся.

– Точно так и случилось. Как наш тысяцкий немного оклемался, пошел служить к Даниилу, а Кременец надолго запомнил. – И добавил серьезнее: – Тут у него друг погиб, Ясь – сирота как он. Вместе с пепелища деревни ушли. И сотника порубили, что Георгия уму-разуму научил, да в люди вывел. Выходит, за Кременецкий люд они кровь пролили... А сейчас Егора

опять туда, наместником... Вот оно как получается... Ты спроси, Георгий про Кременец тебе многое расскажет. И как Батыя отвадили и как порушили крепость сами...

Прошло уже несколько часов, как солнце встало. Утро дымилось золотистым туманом. Влажная зелень леса бодрила утренней прохладой. Вставал день.

Прямо в седле путники прочитали утренние молитвы. Какое-то время молчали, вдыхая животворящий воздух полной грудью и подставляя лица теплым лучам солнца.

Наконец Анджей решил, что сейчас как раз подходящее время, чтобы расспросить тысяцкого о Кременце.

– Скажи, Георгий, а правда, что сам Батый не смог взять Кременец?

Тысяцкий усмехнулся.

– Правда, – ответил он, – не смог.

Анджей недоуменно пожал плечами.

– Удивительно, Холм взял, а об этот городок зубы обломал?

– Ничего удивительного. В ту пору это был город-крепость. У нас на Волыни несколько таких. Расположение на горе и сметка обороняющихся – вот что помогло отворотить беду.

– Каким образом?

Тысяцкий лукаво улыбнулся.

– О, это долгий рассказ. Слушай...

Зима. Год 1240 от Рождества Христова. Окрестности Кременца и Данилова.

– Что это за земля, и как называются эти городки? – спросил через толмача великий Бату-хан у пленных руссов, стоявших на коленях перед копытами его коня.

Руки пятерых мужей бы были крепко скручены за спиной. Одежда частью порвана и посечена. Лица у двоих были разбиты, на рассеченной голове третьего в волосах сгустками замерзла кровь. Эти смерды были теми из немногих, кто не успел укрыться в городках, когда налетели татары.

Мужики поразительно долго отбивались от всадников возле своих телег, защищая себя, свое имущество и родичей, взяв в руки все, что могло сойти за оружие. Но все, же против вооруженных кочевых воинов, в полных доспехах, им было не устоять. Повязав всех, кого можно увести и добив раненых, слабых и немощных, нукеры возвратились к основному войску, приведя пленников на правез к хану.

Один из мужиков поднял голову.

– Это Волынь, а городки, тот, что подальше Данилов, а этот Кременец. Попробуй возьми...

Хан в раздражении махнул плетью и пленников увел.

Крепости на холмах! Подумать только! А этот рус еще куражится... Мне даже дня не понадобится, чтобы сжечь их...оба.

К движущейся орде то и дело возвращались облавные отряды, посланные во все стороны для разведки и грабежа этих мест. Гнали скот, телеги с добром, вели захваченный полон.

Передовые разъезды крутились у подножия горы на вершине которой высился городок Кременец. Несмотря на гневные мысли Бату-хана, во всех отношениях эта была замечательная крепость, впрочем, как и Данилов, находящийся в отдалении. К вершине горы вела только одна дорога по относительно пологому склону. Со всех остальных сторон гора была обрывиста и штурмовать крепость можно было только с одной стороны. Стены и башни города блестели на солнце.

Приблизившись к подножию горы, орда охватила ее кольцом, подтягивались арбы, юрты на колесах составлялся походный лагерь, подтаскивали осадные машины.

– Субедей – окликнул хан – Возьми три тысячи и этот город твой. – Плеть указала на Данилов.

Сам хан в сопровождении свиты из чингизидов, участвующих в походе, знатных монголов и нукеров, двинулся к подножию горы.

Городок имел обычные для русских земель укрепления: овальное городище с башнями, валом и небольшим рвом с пологой стороны охватывало вершину горы. Возможно, был и дети-нец, игравший роль цитадели. Валы имели за основу деревянные срубы, забитые землей, а на валу высились боевые башни и бревенчатые срубные стены, на которых роль укрытия для стрелков играли заборолы – боевые площадки с брустверами сверху стены и с местом для размещения воинов, крытые сверху покатыми деревянными крышами.

Воины хана не раз брали такие городки, да и более крупные русские города. А брались они правильной осадой, по всем правилам арабской и китайской науки, перенятой монголами в стремительном походе, подчинившем воле завоевателей всю Азию и в стремлении на Запад к последнему морю.

Там, где не удавалось с наскоку – изгоном взять город, или жители сами не открывали ворота, монголы прибегали к хитроумным и беспощадным методам. Они возводили вокруг своих становищ непроходимые частоколы, чтобы лишить осажденных возможности совершать дерзкие вылазки. Стрельба с крепостных стен подавлялась камнеметами, а деревянные укрепления обращались в прах, когда те же машины метали горшки с огненной смесью, добытой из недр земли, названной «черной кровью земли».

Так, в минувшие годы, славные воины Бату-хана несли разорение и покорение городам Рязанской, Черниговской, Смоленской и Владимиро-Суздальской земли. Многие города пали, не продержавшись и недели. Однако были и те, кто стоял насмерть, как Торжок, Козельск, сторожевые крепости Райки, Изяславль, Ярополч и Колодажин. Их героические защитники, оборонявшиеся до самого до конца, были истреблены захватчиками вместе с женами и детьми. Теперь на месте этих некогда живых городов остались лишь руины, да безмолвные свидетели трагедии – скелеты непогребенных людей с перерубленными руками и ногами, с железными наконечниками стрел, воткнувшимися в кости.

Однако глядя снизу вверх на городок хану вспомнились не эти городки, а недавняя осада Киева – столицы Южной Руси.

Стойкость этого города перед лицом нашествия иноплеменников была поразительной. Мощные укрепления на горе и опытные воины-защитники позволили ему выдержать осаду более месяца. Штурмующим пришлось не только использовать осадные орудия, но и бросать свои войска в прямые атаки, что обернулось для них огромными потерями: подступы к городу, ров и основания стен были буквально завалены трупами. День и ночь пороки крушили стены и башни, но защитники, проявляя невероятную стойкость и изобретательность, заделывали пробоины, используя материал из разобранных домов и всё, что попадалось под руку. Хотя татарам удалось прорваться, их продвижение было остановлено у укреплений на Старокиевской горе. Весь город превратился в поле битвы, улицы были полны мертвых тел и едкого дыма от горящих зданий. Повторные штурмы в итоге сломили и последний оплот сопротивления – каменную Десятинную церковь, куда отступили киевляне. Разрушенная камнеметами и обрушившаяся под тяжестью скопившихся на ней людей, она стала братской могилой для последних защитников и жителей города.

Вот и сейчас, суесящиеся возле повозок с осадной техникой, воины наладили один из камнеметов и послали камень в крепость. Камень не пролетел и половины расстояния до стен.

Гора была слишком высока. Камнеметы и пророки надо было поднимать вверх по склону.
Что за народ эти русы! Забрались со своей крепостью на самый верх!

Бату-хан с закипающей злостью глядел, как пороки неспешно ползли в гору. Дело продвигалось слишком медленно. Бату-хан уже отказался от своего обещания взять город к вечеру. До темноты они лишь смогут затащить осадные орудия на вершину холма. Штурмовать станут утром...

Бату-хан пригляделся. Среди конных и спешившихся монголов, мечущихся вокруг пороков частенько кто-то падал, хотя из крепости не летели стрелы и не сыпались камни и бревна. Это было очень странно.

Внезапно раздались крики, ругань, самый верхний порок стало разворачивать, он косо поехал вниз – видимо лопнули веревки, за которые его тянули к вершине. Люди в панике разбежались, кого-то все же придавило. Порок доехал до края узкой дороги и наполовину сполз в расселину. Нукеры криками и плетями стали сгонять разбегающихся рабов – порок нужно было сию минуту вытаскивать, но люди боялись подходить к нему. Образовалась толчея.

Повелитель, в бешенстве пнув коня пятками, послал его в самую замятню. Он не мог понять, что происходило на его глазах.

Порок уже начали вытаскивать, как он снова дрогнул и стал соскальзывать еще ниже, грозя повлечь за собой остальные осадные орудия. Отчаянные крики перекрыли все – рабы не могли его удержать.

Что же происходит? Кто заколдовал эту гору?!

И тут конь Бату-хана поскользнулся, копыта его поехали, и великий хан в одно мгновение оказался на земле. От падения вышибло дух.

К нему уже бежали. Вели нового коня. А хан смотрел на землю и в изумлении произносил проклятия.

Хитроумные жители города полили склон и дорогу водой, чуть не вся гора оказалась покрыта ледяной коркой, слегка припорошенной снегом. Ни подняться, ни подвести осадные машины было невозможно. Теперь Бату-хану стало понятно, отчего блестели стены и башни. А он-то отнес это к необъяснимому феномену русских морозов. Стены тоже были покрыты ледяной коркой, приставить к ним лестницы или вскарабкаться с помощью кошек с веревками было просто невозможно.

Поднявшись, хан в бешенстве подозвал одного из своих мурз и что-то крикнул ему. Не прошло и часа, как орда двинулась дальше по дороге к Владимиру-Волынскому.

В своем падении с коня Бату-хан усмотрел дурной знак, и в отсутствие возможности захватить город мудро оставил его.

Через некоторое время вернулся Субедей. Ему не удалось взять Данилов, он был защищен не хуже Кременца. Потеряв несколько воинов, полководец отступил от крепости, но окрестности обоих городков были опустошены, все, кто не успел укрыться были убиты или уведены в рабство.

Так великому Бату-хану пришлось отступить от небольшой крепости, вся неприступность которой заключалась в том, что она стояла на вершине горы. Хан и его полководцы надолго запомнили волынские города-крепости. Именно поэтому темник Бурундай привез Даниилу Галицкому приказ уничтожить именно их.

– И что, эту крепость никак нельзя отстроить заново? – спросил Анджей.

Георгий и Хмурый многозначительно переглянулись.

– Ясно, – ответил десятник, он боялся поверить в свою догадку.

Никанор

Никанор ушел со двора, как только понял, что сейчас его хозяин ничего Николе не сделает. Путь его лежал к матери паренька. Она, по всей видимости, должна была беспокоиться. Не сказать, что он ее успокоит...

И точно, как только он вошел в избу, женщина тут же бросилась навстречу. Осознав, что в свете догорающей лучины она обозналась, приняв неизвестного человека за своего вернувшегося сына, она в замешательстве опустилась на лавку.

– Успокойся, Таисья, – произнес вошедший.

– Никанор?! – тихо произнесла женщина, – зачем ты пришел?

Тот ответил не сразу.

– Про Николу твоего вести принес.

– Что случилось?

– Под замком он у боярина в овине.

Женщина в ужасе застыла.

– Почему?

– Ночью к дочке его тайком пробрался, да дворня застучала. Мои мальцы ему бока намяли для порядка.

– Твои душегубы! Да жив он? Что молчишь?

– Не бойся Тая, – имя женщины Никанор произнес как-то по-особенному, – я им велел не крепко бить.

– Ты велел! Напустил на парня своих бешеных собак! Не мог со двора увести и отпустить на все четыре стороны! Мало тебе Давыд добра сделал? Где он? Веди меня!

– Успокойся! – резкий возглас Никанора отрезвил напуганную мать. – Нельзя к нему сейчас! Все одно не пустят. Я сам к нему схожу. Собери чего. Отнесу.

– Да как же это так! – запричитала Таисия, собирая дрожащими руками узелок – краюху хлеба, кусок сала, луковицу, – квасу отнесешь? – уже робко спросила она.

– Отнесу, – недовольно ответил Никанор. – Ты это, рубаху новую дай, а то старая порванная вся...

Мать охнула, кинулась к сундуку, достала рубаху, завернула в кусок льна, положила в узелок.

Никанор молча взял узел из ее непослушных пальцев, пошел к выходу.

– Никанор! – окликнула несчастная женщина.

– Отпустят его когда?

– Не знаю, – честно ответил Никанор. – Он ночью татей видел, подслушал, как они сговаривались на нас напасть, пришел и рассказал боярину. А тот его под замок отправил, чтобы не пугал народ.

– Не побоялся... – прошептала мать, – весь в отца...

– Не побоялся, – тихо произнес Никанор.

Никола и хотел бы уснуть, но горечь обид и боль от побоев не давали ему забыться.

Послышался скрип открываемой двери. Никола даже не повернул головы. Он подумал, что хуже, чем сейчас ему уже не будет.

Вошел Никанор. Молча положил узелок возле юноши.

– Вот, гостинцы тебе от матери, – произнес он.

– От матери? – встрепенулся юноша, – как она? Знает где я?

– Знает. Я сказал...

– Ты? – лицо юноши выражало крайнее изумление. Напротив, Никанор оставался бесстрастным, как всегда.

– Я предупредил ее. Там рубашка новая, переоденься. Не ровен час, к боярину позовут. Негоже тебе в таком виде перед дворней появляться.

Никола не мог понять, какое сейчас имеет значение, как он выглядит, однако невольно почувствовал нечто вроде благодарности.

– Спаси Бог! – тихо произнес он.

Никанор пожал плечами.

– Ну, я пойду...

Никола встрепенулся.

– Постой. Скажи, я хочу знать... почему ты меня сегодня ночью пожалел? – с волнением, которое он хотел скрыть, спросил юноша.

Никанор, казалось, смешался.

– Я знал твоего отца, – через какое-то время ответил он.

– Ты... знал, как он погиб?

– Знал. Он был человеком, достойным уважения. И ты будь таким.

– Буду...

Никанор быстрым шагом вышел во двор. Он старался сохранить невозмутимость на своем лице, однако юноша невольно внес смятение в его душу.

Знал, как погиб!

Конечно, он знал. Память услужливо нарисовала ему картинку: закат, только закончилась сеча, стоны раненых, оклики тех, кто ищет и он, идущий среди тел и вглядывающийся в мертвые лица. Вот, наконец, и он, его друг – Давыд. Вокруг него тела врагов. Их было слишком много, а Никанора оттеснили в самом начале. Друг еще жив, но это ненадолго, слишком глубокие раны. Никанор это видит сразу. А друг зовет его. По залитому кровью лицу бегут слезы.

– Таю... Таю мою сбереги... и ребят...

У Давыда уж нет сил. Жизнь покидает его с каждым чуть слышным ударом сердца – кровь уже не унять.

– Сберегу... – Никанор сам не знает, как такое может быть: он испытывает горе от потери друга и одновременно... облегчение – сейчас Давыд сам отдал ему Таисью, за которую они боролись друг с другом два года...

Никанор тогда не мог знать, что жена его друга предпочтет хранить верность погибшему мужу...

На торгу все кипело. Собравшийся стихийно даже из ближайшей деревни народ никак не хотел успокаиваться. Люди требовали наместника – боярина Доброслава, но тот почему-то не шел.

Никанор стоял чуть поодаль и слушал. Если Никола сказал правду, положение и впрямь было нелегким и такое волнение вполне оправдано.

Но, вот, наконец, пришел Доброслав. Его лицо было хмурым. Он явно был недоволен тем, что новости просочились из-за ворот его дома в народ.

– Ну что собрались? Что раскричались? – гневно начал он.

Люди снова загомонили.

– Рассказывай, что за вести! – пересилил один из голосов.

– С чего вы решили, что есть какие-то вести? – угрожающе спросил боярин.

– Да нечего отнекиваться, все и так уже знают, что Николка Давыдов ночью лихих людей видел!

- Давайте его сюда!
- Пусть сам все расскажет!
- Где малец?

У Доброслава неприятно засосало под ложечкой. Он окинул взглядом площадь, его воины были оттеснены от него, вид имели растерянный, следовательно, помощи от них ждать не приходилось. Боярин поискал в толпе Никанора. Этот старый пес не оставит... Но тот был слишком далеко, рассматривал народ с легким интересом. Никанор просто не поспеет, если люди взбеленятся.

- Зачем вам этот сопливец? – с деланным изумлением поинтересовался боярин.

Послышались нестройные голоса.

- Пусть сам скажет, что видел!
- Давай мальчика!
- Веди, не то сами найдем!

Боярин подавил злобу, которая у него родилась от услышанного. Нельзя было распалать и без того разошедшийся от страха люд.

- Сейчас, приведем, – через силу произнес он.

Доброслав кинул несколько слов тиуну. Тот поспешил выполнять приказание.

Народ встревожено загудел.

Через некоторое время опухший от побоев, но в новой рубахе Никола предстал перед таким своеобразным вечем.

- Чей-то с ним?
- Это тати его отмутузили?
- Сам Доброславка, чтоб не сболтнул лишнего!
- Зверь, что над парнем соделал.
- Молчать! – разнесся над толпой грозный оклик боярина. – Привели парня, теперь спрашивайте!

- Чо спрашивать? Пусть расскажет, что видел, что слышал.
- Говори Николка!
- Не сумуй!
- Сказывай про разбойников!

Никола от такого неожиданного поворота заробел. Он совсем не знал, что ему говорить. Горящие лица, пристальные взгляды не меньше, чем сотни глаз...

Действительно, что он видел? Точно ли так все слышал? Ошибку здесь ему не простят.

- Чо молчишь? Все на тебя смотрят!
- И действительно, что я молчу? Чего должен стыдиться?*

- Видел я разбойников, – громко начал Никола, – ночью сегодня, у ручья.
- Что это тебя ночью к ручью понесло? – в раздавшемся голосе звучало подозрение.

Боярин картинно развел руками, дескать «я предупреждал, что ему нельзя верить». Но тут раздался другой голос.

- Не мешай ему говорить! Тебе какая разница! Милку небось ждал...
- Верно, верно, – зашелестели остальные, – пусть рассказывает дальше.
- Так вот, – срывающимся голосом продолжил Никола, – я был у ручья, как вдруг услышал голоса... – юношу почти прожигал горящий взор Доброслава. – Я укрылся в темноте. К ручью выехали двое. Сначала я принял их за путников, но они заговорили о нападении на наш городок, поэтому стало ясно – тати. Они сказали, что придут через две недели, за оброком.
- Да оброк еще по осени князю отправили!
- Что ж они так просчитались?
- Брешет парень с перепугу!

– Я же говорил вам, – крикнул боярин, пересиливая возгласы толпы. Его лицо в этот момент было торжествующим, – да малыцу все просто привиделось. Как можно принимать всерьез его лепет!

– Дать ему горячих, чтоб людей не пужал!

– Где это видано! Врать так без толку!

Никола почувствовал, как краснеет. Он не мог понять, почему ему не верят. Вот он стоит, открытый, честный, никто не слышал из его уст ни слова кривды... Если сказал, значит видел разбойников. Как он мог ослышаться? Кругом ночь была, тишина, люди говорили громко...

– Отправили так отправили, – зло ответил он, – а тати все равно про оброк сговаривались. Откуда мне знать, что у них на уме?

Кто-то задумчиво протянул:

– Да, Никола прямой парень. Видать разбойники и впрямь обмишурились, только нам оттого не легче. Где выкуп соберем? Сами последнее еще осенью отдали!

– А, может того, приснилось ему?

– Да не спал я, не спал! – почти закричал Никола. Он уже и сам не был полностью уверен в том, что все это не привиделось ему в бреду.

– А какие разбойники были? Разглядел?

– Плохо, – честно ответил Никола, – темно было. Один старше, другой младше – по голосу разобрал. Тот, постарше, не иначе атаман. Младший его как-то странно назвал... Вроде «Перст»...

– Перст? Что за разбойничья кличка?

– Не знаю, я точно слышал...

– Поклянись, что не наврал!

Никола растерялся.

– Чем я поклянусь? – в недоумении спросил он.

– Батьку нашего позовем!

– Верно, пусть крест на том целует.

– Где батька?

Настоятеля крохотной церквушки отца Тимофея на торгу не было, он замешкался после службы. Тут же отрядили гонца, и через несколько минут тот уже вел ничего не понимающего священника на сход.

На его вопрошающие возгласы никто не реагировал. Отца Тимофея затащили на возвышение, на котором стоял боярин с тиуном и дворовыми, а также Никола.

Послышались выкрики:

– Целуй крест!

– Поклянись, что не соврал!

– Давай, иродова душа, а то бока намнем, надолго запомнишь!

Никола дрожащими руками взял крест у священника и поцеловал его.

– Я клянусь, что все, что сейчас сказал – истинная правда, – произнес он.

По рядам людей пронесся гул одобрения. Удивительно, но до конца юноше поверили только сейчас.

– И что нам теперь делать? – раздался отчаянный возглас.

Теперь, когда сход поверил Николе, предстояло разрешить самый важный вопрос. Посыпались взволнованные реплики.

– Отдать все, пусть забирают!

– Хорошо, кому есть что отдать!

– Жизни дороже!

– Отдать добро разбойникам! Мы что за себя не постоим?

– Кто постоит? Войска давно нет, только горожане!

- Кого только не спроваживали и татей прогоним!
- Не станем драться, нужно выкуп собирать.

Никола смотрел на все это и испытывал жгучий стыд. Ради этих людей сегодня утром он проделал долгий путь, преодолевая слабость и боль. Голова внезапно закружилась.

- Уведите меня отсюда, – слабо произнес он.
- Стой здесь, – зло процедил боярин.

Никола повис на руках своих стражей.

- Спустите его, пусть на земле проветрится, – брезгливо бросил Доброслав.

Сход, между тем, продолжался.

- Ну, так что делать будем?
- Отдадим все?
- Мож, повоюем?
- Да кто воевать станет?

Никанор стоял чуть в стороне от самых бойких участников спора. Ему не было резона вмешиваться. В его жизни все было просто. Как боярин решит, так он и поступит. Но сейчас, молчание Доброслава приводило его в недоумение. Он не знал, как себя вести и что думать.

- Воинов нам бы с десяточек... – чуть слышно произнес он.

Однако сосед Никанора услышал его речь.

- Нам бы воев нанять, – возвысил голос он.

На торгу на мгновение замолчали.

- На что кормить станем? – тут же нашелся кто-то.
- Все одно, что наемникам мзду собирать, что разбойникам.
- Придут чужие люди, дочек по сеновалам растащат, бедокурить начнут...
- Разбойнички-поди лучше! Они-то наших дев не тронут!
- Может, вправду воев поискать? Авось за прокорм согласятся пару неделек у нас пого-стевать. Как знать, вдруг и разбойники тогда рисковать не станут?

Боярин, который с умыслом давал всем высказаться, чтобы страсти вырвались наружу, решил, что пришла пора вмешаться.

- Какие вои? – с презрением в голосе выкрикнул он. – Кто согласится отдать жизнь, за плошку каши, да еще без сала? Хватит глотку попусту драть! Все одно делу не поможете. Еще с утра я отправил гонца, чтобы пришли князьи люди. Кто нас лучше князя оборонит?

Над площадью повисла тишина. Однако продлилась она недолго. Сход и на эти слова нашел аргумент.

- Пока те гонцы до Холма доскачут, нас уже тати пожгут и добро вывезут!

Эти слова были словно ушат воды, вылившийся на горячие головы. За спорами люди позабыли как мало у них времени.

- Нужно попытать счастья.
- Авось защитники найдутся.
- Станем выкуп собирать.
- Ага, тати выкуп возьмут, а потом, что осталось.

Тут слово взял молчавший до того священник. Он уже разобрался в том, что происходит и посчитал, что тоже должен высказаться.

- Опомнитесь люди! – произнес он, и споры на мгновение прекратились. – Нельзя же нажитым добром измерять ценность жизни. Не за добро должно биться. Земные блага преходящи, тяжело наживаются, но легко уходят. Если бы мы знали, что тати заберут выкуп и уйдут, не стоило бы сокрушаться. Но мы не знаем этого. Защищать нужно жизни наших близких, детей, стариков. Как мы справимся с этим? Пусть наместник скажет. Он в ответе за нас перед князем.

Боярин кинул в сторону священника неприязненный взгляд.

– Хорошо, – ответил он. – Решим так: отправим людей на поиски наемников, казну я дам, а сами соберем выкуп, кто сколько сможет. Придут тати, будет видно, как нужно поступать. Тем более, что я до сих пор в ночных разбойников не верю.

Загудели одобрительные голоса.

– Кто поедет-то?

Боярин не замешкал с ответом.

– Никанор, старшой мой пусть едет, возьмет пару охранников. Кому как не ему сладить с наемным людом.

– Ладно говоришь!

– Все правильно!

– Так и поступим...

Никанор почувствовал, как спокойствие возвращается в его душу. Он долго ждал от боярина этих слов. Никанор был готов исполнить свой долг. Правда, было одно «но». Добро-слав в этот момент смотрел на несчастного юношу. Взгляд его был полон искренне неприязни.

– Пусть Николку с нами отпустит, – негромко произнес Никанор.

Сосед услужливо повторил слова старшого.

– Пусть мальчика с собой возьмут, может, узнает кого в дороге!

Боярин побагровел.

– Берите и этого, – выдохнул он, – меньше болтать станет. Все!

Доброслав резко развернулся и сбежал с помоста. Дворня последовала за ним.

Сход стал потихоньку расходиться, однако то там, то здесь оставались еще кучки людей, оживленно жестикулирующих и выкрикивающих какие-то фразы.

Решение было принято.

Отправились в путь еще до конца дня. Конечно, ждать, когда Никола наберется сил никто не стал. Не было времени. Никанор рассудил, что молодость юноши возьмет свое и тот оклемается в дороге.

Никола забрел в родную хату, молча выслушал причитания матери, наскоро собрался, и повел коня со двора.

– Куда ты? Куда собрался?

Объяснять не было ни сил, ни желания.

– В дорогу. С Никанором. Воев искать поехали, скоро будем.

– А работа как? А ну как пропадешь? Что делать станем?

«Мы все скоро пропадем», – подумал юноша, но вслух произносить ничего не стал.

– Не беспокойся, с работой все решим, – сказал он. – Через пару дней вернемся. Я отработаю.

С легким трепетом въехал на двор боярина. Никанор и два его подручных, те, что били его накануне, уже ждали.

– Поехали, – на их лицах было написано равнодушие.

Они не испытывали к нему ничего – ни сочувствия, ни ненависти.

Все четверо повернули коней к воротам.

Вдруг на самом верху терема скрипнула дверь. Никола невольно поворотил взгляд.

Наталка. Она жалась к косяку и смотрела на юношу.

В ее глазах не было жалости и презрения. Только страх за него и что-то еще...

Никола выпрямился в седле. Теперь у него была причина победить в неравной битве, что их ожидала вскорости.

Никанор перехватил взгляд юноши, но на его лице ничего не отразилось. Все переживания он давно прятал глубоко внутри.

Лишь один Никанор знал, куда они ехали. Сам в прошлом княжеский дружинник, а теперь наемник, он знал, где можно поискать людей. Заезжали на постоянные дворы, спрашивали в корчмах, но пока никого не находили.

Один из наемников, узнав, как ничтожна плата, с негодованием отверг все предложения. Другой согласился, но, пропив задаток, с неохотой выданный ему Никанором, под утро скрылся. Догонять не стали, времени оставалось все меньше. Уже поднималось в душе отчаяние, и лезли в голову беспокойные мысли.

Никанор, всецело полагавшийся на своего господина и боявшийся его подвести, понимал, что сейчас не может выполнить волю Доброслава. Из-за этого, день ото дня его лицо становилось все более мрачным.

Корчма, куда странники прибыли с утра, была последней надеждой.

Побеседовав с хозяином, Никанор выяснил, что с утра приехали воинские люди, кто такие и откуда он не знал. Корчмарь посоветовал подождать их, а пока подзакусить. Иного выхода у посланцев несчастного городка не было.

– Нужно возвращаться назад, – проронил за едой Никанор.

– Как же так, – возразил Никола, – неужто, не найдется для нас заступников?

– Видать не найдется. Самим возвращаться пора, сейчас в городе каждый человек на счету.

– А как же эти, что сегодня приехали? Так и не дождемся? А вдруг это те, кого мы ищем?

– Дождемся, но что нам дадут три человека?

– Быть может, у них есть сотоварищи, что тоже не прочь мечом удачи попытать.

Никанор устало отмахнулся. Он уже не верил в успех их предприятия.

– Ешь, пока есть что, – бросил он.

Их спутники участия в разговоре не принимали.

Солнце перевалило за полдень, а обещанные корчмарем воины не появлялись. Никанор уже стал подумывать трогаться в обратный путь, как на дворе стали раздаваться крики.

Все немногие посетители высыпали на улицу.

Крики раздавались из дома, примыкавшего к кузне. Явственно был слышен плач ребенка. Громкая ругань.

– О, снова Федот набрался, – с сожалением произнес неизвестно как оказавшийся рядом корчмарь, – так он мужик серьезный, работающий, а как хмельного выпьет – домовых гоняет и бабу с мальцом в придачу.

– Он их с вечера из хаты не пускает, – пояснила какая-то сердобольная женщина, – ребенок голодный орет, а Федька с похмелья и без того злой! Как бы чего не вышло.

– Старик Пахом ходил его урезонить, так Федот на него с ножом полез, всех, говорит, убью и тебя старый тоже. Убирайся подобра-поздорову. Так и сидит с тесаком, что сам ковал, а дите орет.

– Что же делать?

Никола с надеждой посмотрел на Никанора – тот, судя по всему, вмешиваться не собирался.

Да и как вмешаться? Успех подобного заступничества был маловероятен, а опасность – вполне реальной. Такой сильный человек как кузнец, да еще с похмелья мог наделать бед.

Внезапно во дворе появился новый человек. Он подошел к старику, что-то сказал.

Старик снова направился к дому, правда, дальше порога проходить побоялся.

– Слышь, Федька, а? – крикнул он. – Малец твой надрывается, дай молочка-то! Нету што ль? Так пусть человек прохожий принесет, ко святым местам идет, пустишь? Ась?

С места, где стоял Никола, ответа слышно не было, однако дальнейшее показало, что ответ был утвердительным.

Странный человек скинул с себя верхнюю одежду, прямо на голое тело одел кольчугу, а сверху натянул принесенную кем-то старую залатанную рубаху. Подпоясался веревкой. На голову натянул выдавшую виды шапку. Взял кринку, до половины наполненную молоком и накрытую куском каравая. Поступь его была спокойной и уверенной. Он словно направлялся к теще на блины.

Через несколько минут после того, как человек скрылся в доме, послышался шум, крики. Во двор выбежала растрепанная женщина с ребенком на руках.

– Помогите ему! – закричала она.

Кому, по ее мнению, нужно было помогать, никто не понял. Ринувшиеся внутрь мужики вытащили извивающегося Федота на двор, навалились сверху и для верности связали еще и вожжами. Только так он какое-то время не мог причинить никому вреда. Человек вышел следом. Рубашка была порвана на боку – видать кольчуга ему пригодилась. Человек присел на корточки рядом с лежащим на земле Федькой.

– Ну и дурак! – послышался голос неожиданного заступника.

«Если это воин, то нам такой как раз и нужен», – с трепетом подумал Никола.

Георгий

Озера были уже близко. Георгий сам не знал, как поддался на уговоры Хмурого.

Зачем он туда ехал? Посмотреть на поросшие травой головешки родной деревни? Снова вспомнить то, что старался забыть вот уже много лет и в чем преуспел?

Зачем только Хмурый смог его уговорить? Георгий испытывал страх, в котором боялся себе признаться, и чем ближе он был к месту, бывшему ему домом, тем сильнее сжималось все внутри.

Георгий ехал смутно знакомой дорогой. Все здесь было так же, а вроде бы и не так. Наместник, прищурившись, всматривался в окружающий его пейзаж.

Разгадка оказалась совсем простой – он больше не был шестилетним ребенком. Все, что казалось ему тогда огромным, теперь таковым не являлось, хотя окружающая природа изменилась.

Лесок подрос, холмы покрылись кустарником, теперь Георгий не смог бы найти те тропинки, по которым они с Ясем блуждали, после того как покинули пожарище.

Проехали поворот дороги, где в первый раз встретили татар, оставили позади ложбину, где из засады молодые разведчики наблюдали темниково войско. Поле боя оставалось южнее, туда ехать Георгий вовсе не имел никакой охоты, но позже все равно придется – Кременец теперь был поручен его заботам.

Снова начался лес, местность стала болотистой. Скоро появятся разливы лесных озер, от которых, собственно и получила название деревня.

Вот еще один поворот и покажется то, что наместник ждал с затаенным чувством и боялся.

Эх, Хмурый, Хмурый!

– Смотри-ка! – раздался рядом возглас разведчика.

Георгий и сам это видел. Вместо развалин на опушке леса показались с десяток деревянных домов. Дымок вился из труб. У околицы несколько человек чинили колесо телеги. Заслышав топот коней, они удивленно обернулись, видать, гости в их краину заезжали не часто. Они с любопытством смотрели, как три воина подъезжают ближе.

– Кто вы, да по какому делу? – спросил старший из них, по всему видать, он был старостой.

Георгий смешался и не смог ответить сразу. Слишком сильным было потрясение.

– Князьи люди, – ответил за него Хмурый. – Скажите, а эта деревня как называется?

– Озера, – ответил мужик, – заблудились, стало быть?

– Нет, не заблудились, – глухо ответил Георгий.

Мужик с интересом посмотрел на наместника.

– Скажи, давно ли вы отстроились?

– А тебе знать почто?

Георгий чуть помедлил.

– Я еду в Кременец. Князь назначил меня новым наместником.

Староста, казалось, удивился еще больше.

– Эко тебя занесло!

Георгий через силу улыбнулся и, наконец, пояснил, что привело их сюда на самом деле.

– Мы здесь проездом. Я сам из этих мест, хотел заехать, увидеть пепелище родного дома – при мне деревню татары пожгли.

– И что же ты? Больше сюда не возвращался? – изумленно произнес второй мужик.

– Нет, – смущенно ответил Георгий.

– Деревню отстроили через несколько лет, люди, кто успел сбежать, вернулись. С других мест пришли. А тебя, видать, далеко судьбина увела из родных мест.

– Далеко...

– Как звать-то? – продолжил расспросы староста.

– Георгием, – ответил наместник. Неожиданно он почувствовал, что смутное томление оставило его. Он не ожидал увидеть хаты, людей, словом, обжитое место. Думал навестить погибель, а встретил жизнь. Но теперь, радость наполнила его сердце. Только сейчас Георгий почувствовал, как холод давних потерь покидает его.

Старший поцокал языком.

– Не помню тебя, я после татар сюда пришел. А родителей как звали?

– Феодосий и София. Отец ратником был.

– Не помню, – медленно произнес староста. – Тебе бы бабу Явдону расспросить, – про-светлев, посоветовал он.

– Точно, – подтвердил второй мужик. – Она здесь до нас жила. Всех детей и внуков схоронила, а саму смерть не берет.

Староста с возрастающим интересом разглядывал путников.

– Идите в дом, – произнес он. – Устали, поди, с дороги. У меня заночуете. Сейчас на стол соберем, Явдону позовем, да и остальных тоже. Не каждый день к нам такие гости приезжают. Георгию, Хмурому и Анджею ничего другого не оставалось, как согласиться.

Путники шли по деревне, ведя в поводу коней. Георгий ничего не узнавал, хаты построили в иных местах. Только колодец находился там, где раньше. От него Георгий и стал считать. Здесь была хата, здесь овин, старая ветла, видать выгорела вся, яблоня... Яблоня осталась, разрослась, из тонкого ствольца превратилась в стройное дерево, набирающее цвет. Поди, и яблоки уже бывают, а они с Ясем так ни одного и не дождались.

Как же много времени утекло...

Здесь... Был его дом. На том самом месте лежит камень. Хата стоит в стороне...

Георгий через силу сделал несколько шагов. Воспоминания, что уже стерлись из памяти, расцвелились красками пожара.

Наместник не мог поверить, что находится сейчас здесь, а видит то, что было давно. Как будто время прохудилось, и в прорехи хлынули картины из прошлого: отец отбивает мечом копьё, толкает их с матерью в сторону леса, снова сражается, копьё пронзают его, следом падает мать и вот он, ребенок, которого никто уже не защитит...

– Вот здесь все и случилось, – произнес старческий голос, – ты правильно помнишь... Ты же Юрко?

Георгий вздрогнул. Обернулся.

Позади него стояла старая женщина. Но он ее узнал. Тогда она была зрелой, статной женщиной. Без этой печати горя и скорби на лице. В прошлой жизни ее звали Евдокией.

– Юрко... Да, меня так называли, – ответил он.

– Вот уж не думала, что увижу тебя. Мы считали, что ты погиб вместе со всеми.

– Я не погиб, – произнес Георгий.

Столы поставили прямо во дворе под деревьями. Вокруг троих путников собрались почти все жители деревни. В их краю редко происходило что-то особенное, поэтому всем хотелось увидеть земляка собственными глазами. Эти люди приняли Георгия, посчитали своим, хотя почти никто из присутствующих его не помнил. Наместника встречали как близкого родственника, вернувшегося из дальнего странствия, не за высокое звание, а оттого, что хлебосольство было неотделимой чертой русского народа. Радость от неожиданной встречи наполнила души.

Хмурый и Анджей сидели за столом в некотором смущении. У Хмурого где-то тоже было такое место памяти, но он вряд ли сейчас смог бы найти в степи разрушенную воинскую заставу, на которой навсегда осталось его детство. Собственно, Хмурый и подтолкнул Георгия к мысли заехать в Озеры. Он видел, что его друг задумчив более обычного, почувствовал, как стремится его сердце свернуть с прямой дороги и поехать туда, куда уже много лет тянуло, но Георгий никак не решался отправиться.

Анджей, в числе немногих, тоже знал историю наместника и оставался бесстрастным. Десятник был не из тех, кто от нетерпения неловким словом мог нарушить общий светлый настрой.

– Ты изменился, – произнесла Явдоха, – стал на отца похож.

– Может быть. Я его плохо помню, – произнес Георгий. – Мать хорошо, а его – нет. Отец часто в походах был.

– А набег?

– И набег почти не помню. Столько лет прошло. Память откинула все то, что не мог сохранить в душе ребенок.

– Ты хочешь, я расскажу, как тогда все было? – спросила старуха.

За столом внезапно стихли все разговоры.

– Хочу, – произнес Георгий. Он сам не мог поверить, что попросил об этом.

– Я расскажу, – повторила старая женщина, и с ее изборожденной морщинами щеки сорвалась слеза.

– Мы в тот день занимались каждый своим делом. Радовались, ссорились, пекли хлеб, пахали, не зная, что час уже пробил. Татар так рано никто не ждал, – произнесла Явдоха. – В деревне только стали собираться, чтобы укрыться от надвигающейся беды в болотах, на острове. Да не успели.

Я помню, как вышла во двор, как вокруг засвистели стрелы. Свист, щелчки и стоны. Щелчок – стрела воткнулась в дерево или что-то твердое, вскрик – смерть или рана человека.

Лавина всадников, размахивая копьями и саблями, влетела в деревню с двух сторон. Потом мы узнали, что это был облавный отряд, их рассылали вокруг татарского войска для разведки и добычи.

Люди заматались между вспыхнувшими разом окраинными избами.

Раздавался веселый хохот степняков, визг хватаемых женщин и девушек, крики и стоны порубленных.

Я кинулась в дом за невесткой. Та обезумела от страха, кричала, прижимала к себе детей. Я не могла ее вытащить из дома. Если б она так не перепугалась, мы еще могли бы попытаться проскользнуть в лес.

Еле-еле затолкала их в погреб, сама закрыла сверху, подвинула короб.

На улице творилось страшное. Всех, кто пытался хоть как-то сопротивляться, безжалостно убивали. Рубили, войдя в раж, не только сопротивляющихся, но и всех, кто в этот миг попадался на глаза, даже кошек, собак и другую домашнюю живность.

На крыльце слышались шаги. Я залезла на печь, навалила на себя тулуп, что еще там лежало. Вошел татарин. Я услышала, как он ругался. Покидал одно, другое, все вывернул из сундука, нашел серебро. А я молилась, чтобы он нас не нашел. Татарин подошел к печке, отодвинул занавеску, да в избе было темно. Сунул пару раз наугад своей саблей и ушел. А я осталась лежать, ни жива, ни мертва. Так, еле душа в теле, и сползла, стала звать невестку, но та закрылась изнутри. Уже всю тянуло дымом. Я еще стучала и звала ее, но все безуспешно.

Не помню, как вышла. Спряталась в бурьян. Муж-то мой давно почил, сына вот не видела, во все глаза глядела. Не знала тогда, убит ли, ранен, полонен?

Между пылающими домами деревни метались люди. Татары убивали или ловили их арканами. Кричали женщины. Везде валялись трупы, кровь быстро запекалась бурыми пятнами от жара горящих изб, сараев, заборов.

Несколько человек сопротивлялись до последнего, дорого продавая свою жизнь, от отчаяния взяв в руки все, что хоть как-то могло быть использовано как оружие.

Федосей, один из ратных, что пришел на пахоту домой, еще сражался. Я его видела, твоего отца. Он пытался прорубиться с тобой и Софией к лесу, да время уже было упущено.

Если б татары дрались по одному, да на мечях! Он был знатным мечником, но куда ему против копий. Весь в крови, пораненный, он раскидывал даже их. Раз, два, но потом отец упал, мать, что он прятал за спиной тоже. Хоть врагу не досталась.

Остался только ты. Один, почему-то стоял и не убегал. Татарин чуть помедлил и ударил тебя саблей. Дальше я не видела, отползла к лесу и бежала без оглядки.

А деревня пылала одним большим костром. Пахло не только горящим деревом, разносился сладковатый смрад горелого мяса. Никогда его не забуду.

Уводили захваченный скот, гнали пленников. Деревня была разгромлена, спастись смогли разве что кто-нибудь из детей. Всех взрослых, кроме меня, кто в тот день был в деревне, или убили, или увели в полон.

Крайние избы уже рухнули, но у деревни еще крутились несколько всадников, только добычи им не досталось.

Никто не вернулся, некому было оплакать умерших...

Над площадкой повисла тишина.

Слезы бежали по впалым старческим щекам Явдохи не переставая.

– Сынок мой погиб, да невестка с внучатами тоже не спаслись. Брат, жена его, племянник Ясь-шалопай, всех убили, только я осталась. За грехи мои кара...

Георгий сидел, положив руки на голову. Из всего рассказанного он помнил лишь то, как был сражен отец, а затем мать. Как он, застывший от ужаса, ждал удара кривой сабли. Темноту. Как Ясь – товарищ детских забав тащил его потом в болото, в лес, подальше от врага. Все остальное было, будто отрезано.

Георгий склонился к старухе, обнял худые плечи.

– Не погиб тогда Ясь, мы вместе ушли, – тихо произнес он. – Он poleg в битве, защищая Кременец, но не в тот раз.

В потемневших от горя глазах несчастной женщины появился проблеск света.

– Расскажи про него, – прошептала она.

Постепенно люди разошлись. Хмурый с Анджеем тоже отправились на ночлег. Они не хотели мешать своему другу.

Георгий еще долго сидел во дворе со старой Явдохой. Она жадно слушала рассказы о своем племяннике. Для нее он все равно, что ожил. Постепенно Георгий дошел до битвы при Кременце.

– Тогда татары обманули нас, два тумена пришли позже, мы ввязались в битву, а отступать уже было некуда. Там сложили головы почти все. Ясь был ранен накануне, но все равно сражался до последнего. Он был настоящим другом. Пытался прикрыть меня, да слишком много было врагов. Его дважды ударили мечом, прежде чем он упал. Когда я смог склониться над ним, Ясь уже отдал Богу душу. Я уже ничего не мог для него сделать.

Явдоха горестно вздохнула. Эти слова принесли ей печаль, но не такую сильную, как опасался Георгий. Она уже давно смирилась с потерей племянника, но теперь новости о нем на какое-то время вернули ей интерес к жизни.

– А ты как же? – спросила она у Георгия.

Тот улыбнулся.

– Я тоже был ранен, попал в плен, татары посчитали, что я не выживу и бросили на дороге. Князь Даниил, что привел подмогу, подобрал меня, велел выходить, а потом взял на службу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.